

ФРАНЦИСК СКОРИНА — ПЕРВОПЕЧАТНИК ВИЛЬНЮССКИЙ

Л. И. ВЛАДИМИРОВ
(Вильнюс)

450 лет тому назад между 1522 и 1525 гг., «...при держании на-ласкавшего господара Жыкгымонта Казимировича, короля польского и великого князя литовского, и русского, и жомойтского, и иных во славном месте Виленском...» был поставлен первый на современной территории Советского Союза печатный станок и были... «выложены и вытиснены... працею и великою пильностью Доктора Франциска Скорины...» два первых здесь печатных издания — «Малая подорожная книжица» и «Апостол».

С этого знаменательного события и ведет свое начало печатное искусство в нашей стране.

Если столица Литвы Вильнюс вправе гордиться быть колыбелью нашего печатного дела, то древнему белорусскому Полоцку принадлежит слава быть тем местом, где стояла колыбель первого творца печатной книги.

Жизненный и творческий путь первопечатника Франциска Скорины — это яркий и сложный kaleidoscope событий и свершений. Однако мы располагаем довольно скудными сведениями о богатой событиями личной жизни Ф. Скорины и более или менее отчетливо представляем себе лишь отдельные ее этапы. Неизвестны нам пока даже такие важнейшие даты его жизненного пути, как даты его рождения и смерти. Мы предполагаем, что он родился не позже 1490 г. в купеческой семье средней руки. Таким образом, он по своему рождению принадлежал к бюргерству и впитал в себя динамичную энергию, настойчивость и подвижность этого тогда бурно развивающегося сословия, однако эти характерные особенности своей социальной среды он применил не для накопления богатств и прибыльной реализации товаров, а для накопления знаний и культурных ценностей и распространения их среди своего народа.

Полоцк того времени был богатым и оживленным торговым центром. В нем процветали ремесла, а купцы вели доходную торговлю с Москвой и Вильнюсом, Ригой и Смоленском, Познанью и Краковом, Ганзой и Скандинавией. В зарубежной торговле принимал участие отец Ф. Скорины Лука, торговавший кожами, отсюда, повидимому, и его прозвище — Скорина, от слова «скорыняк» (скорняк). Проведенное в такой среде детство не могло не зародить в ребенке, и затем в юноше, жгучего интереса к широкому и чудесному миру, возбудить желания странствий и исканий.

Полоцк был древним русским культурным центром. Еще в XI веке здесь велась переписка книг, создавались книжные собрания. Эти

культурные традиции были живы и в конце XV века и несомненно влияли на формирование мировоззрения юного Скорины. Начальное образование он, вероятно, получил в местной приходской школе, где какой-нибудь дьячок — самозванный «баккалавр» — вдальбивал молодежи навыки элементарной грамотности, азы церковнославянского языка и, конечно, катехизис или псалтырь. Продолжать свои «студии» Скорина мог у отцов бернардинцев, которые в 1498 г. учредили в Полоцке костел св.св. Франциска и Бернарда. Католические монахи могли не только обучить Скорину латыни, необходимой для поступления в университет, но и соблазнить его — выходца из белорусской православной семьи — перейти в католичество.

В моем кратком докладе я не смогу подробней остановиться на все еще дискутируемых вопросах национальности, вероисповедания и имени Скорины. Я буду, не мудрствуя лукаво, называть его Франциском, т. е. тем именем, которым он сам себя называл во всех своих изданиях и как он был назван в 29 подлинных архивных документах, непосредственно касающихся его личности и называющих его имя, за исключением одного документа, на неполную корректность которого уже давно обратили наше внимание авторитетные историки. Наконец, я буду считать Скорину тем, чем сам он себя считал — русским, точнее, белорусом. В предисловиях к изданным им книгам Скорина подчеркивал, что он в них обращается «к своим братьям русским», поскольку его «бог с того языка на свет пустил». Его русское (точнее, белорусское) происхождение подтверждается многими официальными документами, в которых он именуется «рутенус» — т. е. русин. Что же до его религии, то белорусское происхождение позволяет предположить, что семья его была православной. Однако имя Франциск — явно католическое. Некоторые историки полагают, что Скорина перешел в католичество и принял соответствующее имя с целью попасть в Краковский университет. Тем не менее он издавал свои книги для «братьев русских» и подчеркивал, что книги эти соответствуют установлениям Восточной христианской церкви. Нет сомнений, впрочем, что на формирование мировоззрения Скорины некоторые влияние оказывали идеи Реформации, причем её радикального крыла.

Однако сам Скорина нигде не вмешивался в острую схоластическую полемику между католиками, православными и представителями Реформации. Нет этой полемики и в его книгах. Но в конечном счете не это главное. Деятельность и мировоззрение белорусского гуманиста не умещаются в узкие рамки конфессионизма. Будучи типичным представителем титанической эпохи Возрождения, он ставил свою деятельность выше официальных церковных догм и считал своей первоочередной задачей просвещение народа, воспитание его в духе высокой морали.

Но возвратимся к его биографии. Здесь мы временно опять ступаем на твердую почву документированных фактов. В архивах Краковского университета есть записи об имматрикуляции Франциска

Скорины на факультете философии и свободных наук, а затем в 1506 г. — об окончании этого факультета. Между прочим, в архивах этого университета он отмечен как Franciscus Luce de Poloczko, Lithuanus, т. е. как выходец из Великого княжества Литовского. В Кракове он изучил семь свободных искусств (или наук) — грамматику, логику, риторику, музыку, арифметику, геометрию и астрономию, а также философию. Атмосфера в краковской Альма Матер, как, впрочем, и в большинстве других университетов того времени, была до предела насыщена богословием, и «свободные науки» сильно отдавали схоластикой.

Уровень преподавания и дух религиозного фанатизма не могли удовлетворить жадного до знаний Скорины. Получив в 1506 г. степень бакалавра свободных искусств, он уехал из Кракова.

Однако нельзя огульно отрицать значение проведенных в этом городе лет для дальнейшей деятельности Скорины. В университете он подробно познакомился с творениями античных авторов — Аристотеля, Саллюстия, Вергилия, Сенеки. Профессором Скорины был прославленный ученый гуманист Ян из Глогова, который, по утверждению литератора XVII в. С. Старовольского, переводил Библию на старославянский язык¹. Страстный библиофил и поклонник печатного искусства, Ян из Глогова привил уважение к нему и своим студентам.

Учась в Кракове, Скорина не мог не слышать о славном зачателе славянского книгопечатания кирилловским шрифтом краковском типографе Швайпольте Фиоле, который в 1491 г. выпустил в свет четыре православные богослужебные книги и, обвиненный в ереси, был вынужден спешно покинуть Краков. Еще в годы учебы поэтому Скорина мог поставить перед собой две задачи: завершить труд Яна из Глогова по переводу Библии и возродить разгромленную русскую печать.

После ухода Скорины из Краковского университета мы опять теряем его след на целых шесть лет. Чем был занят Скорина с 1506 по 1512 г., точных данных у нас нет, но академические занятия несомненно он продолжал, поскольку из сохранившихся документов 1512 г. известно, что он в одном из университетов добился степени доктора свободных наук. Возможно, некоторый свет на этот неясный период его жизни прольет более детальный анализ одного недавно в Падуе обнаруженного документа, в котором указывается, что в университете этого города сдавал экзамены магистр Фр. Скорина из Полоцка, русин, датский королевский секретарь. Причем «датский» пишется „Daciae“, что вызывает некоторое сомнение. Каким образом Скорина попал в Данию и стал королевским секретарем, пока неясно. Известно, что король Польский и Великий князь Литовский Сигизмунд Старый летом 1509 г. направил в Копенгаген делегацию для заключения договора о дружбе. Возможно, Скорина был

¹ *Starovolscius S. Scriptorum polonicorum Hecatontas. Francoforti, 1625, p. 59.*

включен в состав этого посольства секретарем, остался в Дании и продолжал здесь свои студии в местном университете. Однако в списках студентов и абсолюентов этого университета Ф. Скорина не отмечен².

Таким образом, и датская интермедия в биографии Ф. Скорины еще остается гипотезой, требующей дальнейшего изучения и обоснования фактами.

Но вернемся опять на реальную почву достоверных документов и фактов.

Ненасытная жажда знаний привела Скорину в далекую Италию, в прославленный тогда Падуанский университет. Этот университет, один из старейших в Италии, был открыт еще в XIII в. и достиг полного расцвета именно в XV—XVI вв. Широкой известностью пользовались факультеты свободных наук и медицины. Дух гуманизма и Возрождения, царивший в Падуанском университете, привлекал многочисленных слушателей. Сюда стекалась ищущая передовая молодежь из разных стран Европы. Достаточно упомянуть, что в Падуе пять лет проучился Николай Коперник.

Точных сведений о поступлении и учебе Скорины в Падуанском университете не сохранилось. В актах университета содержатся лишь сведения об окончании студий.

Из актов падуанского архива мы узнаем, что 5 ноября 1512 г. в пятницу в церкви св. Урбана собрался совет славнейших докторов искусств и медицины, разрешивший «бедному молодому ученому Франциску, сыну Луки Скорины из Полоцка, русину, сдавать экзамены бесплатно, ради милосердия божия»³. Экзамен длился два дня. Условия его были нелегкими: испытуемый должен был публично обосновать свои тезисы и в диспуте опровергнуть все аргументы оппонентов. Скорина защитился блестяще: все 14 профессоров коллегии и другие ученые Падуи и Вероны (всего их было 24) единогласно признали его достойным степени доктора. Один из членов совета тут же торжественно вручил ему положенные знаки и диплом докторской степени. С тех пор Скорина именовал себя доктором свободных искусств и медицины — «Франтишек Скорина в науках вызволенных и лекарских доктор».

Повидимому, Ф. Скорина вправе считаться первым гражданином Великого княжества Литовского, удостоенным таких высоких ученых степеней.

И опять мы теряем след Скорины на целых пять лет. Мы можем только предполагать, что он заполнил это время напряженным трудом, готовясь к главному делу своей жизни — переводу и изданию

² Некоторые историки склонны отождествлять название „Dacia“ не с Данией, а с Дакией античных времен, т. е. с современной Румынией, однако это сомнительно, тем более, что латинизированное название Дании в XV—XVI веках было „Dacia“ напр., королевская печать того времени называлась „Sigillum maiestatis Johannis dei gratia Daciae, Sveciae, Norvegiae, Slavorum, Gotorumque regis“.

³ Шляпкин И. К биографии Франциска Скорины. — «Журнал Министерства народного просвещения». 1892, апрель, с. 382—385.

Библии русской и других книг. Таким образом, не медицина и не свободные искусства стали смыслом жизни белорусского гуманиста. Имя Скорины навсегда осталось в истории благодаря его заслугам и достижениям в области просвещения, книгопечатания и распространения книг.

Но почему же Скорина — купец по происхождению и врач по профессии, добившийся высшей ученой степени, избрал совершенно иную ниву и стал переводчиком, издателем и печатником? Он сам дает нам на это однозначный и ясный ответ. В предисловиях к изданным им книгам Скорина настойчиво подчеркивает, что цель его литературной и издательской деятельности — послужить простым русским людям, помочь им «познать мудрость и науку», учить простых людей, «абы научившись мудрости, добро жили на свете». Кроме чисто просветительских, Скорина преследовал и глубокие политические цели. Неся в народные массы знание, повышая их культурный уровень и воспитывая любовь к отчизне и родному языку, он стремился дать своему народу оружие борьбы против усиливающейся польско-католической агрессии.

Это было делом огромного общественного значения, и Скорина решился призвать на помощь могучее, но мало еще испытанное в Восточной Европе средство — печать. Главной целью своей книгоиздательской деятельности он считал обеспечение духовных потребностей народа. «Не можем ли во великих послужити посполитому люду рускаго языка, сие малые книжки працы нашее приносимо им»⁴. Выполняя эту задачу, Скорина сразу же столкнулся с серьезными трудностями. В Вильнюсе, как и в других городах Великого княжества Литовского, не было ни полиграфических предприятий, ни бумажных мельниц, ни прочей необходимой материальной базы книгопечатания. Разумеется, ощутимой была и нехватка опытных специалистов — наборщиков, граверов, словолитчиков. Неподалеку — в Кракове — типографии действовали уже в конце XV в., и все же Скорина выбрал другой очаг словянской культуры — Прагу, столицу Чехии. Мы не знаем точно, когда Скорина прибыл в Прагу, но наверняка это произошло гораздо раньше 1517 г. — даты начала его книгоиздательской деятельности. Ведь подготовительный и организационный период должен был сам по себе отнять значительное время. Особенно большой подготовительной работы требовал перевод и редактирование столь капитального произведения, как Библия.

Интересную гипотезу о появлении Ф. Скорины в Праге я обнаружил на экземпляре «Малой подорожной книжицы», хранящемся в библиотеке Краковского университета. Рукою сотрудника библиотеки в середине прошлого века сделана надпись, в которой даются данные о книге, подчеркивается ее исключительная редкость, а в конце выдвигается предположение, что вполне возможно, что Сигизмунд Старый повлиял на Скорину заняться переводом Библии (что я счи-

⁴ Библия руска. Предисловие доктора Франциска Скорины с Полоцька во книги Леувит Моисеовы.

таю очень сомнительным) и что Скорина мог сопровождать в 1515 году короля Сигизмунда на Венский конгресс. И так как Сигизмунд был опекуном Людовика, юного чешского короля, Скорина мог остановиться на Праге как на наиболее подходящем месте для издания книг, благо близок был Нюрнберг, откуда он мог легко получить бумагу и шрифты⁵.

Устройство типографии и выполнение намеченных работ — все это требовало значительных расходов, Скорина же был небогат. В то время без щедрых и могущественных покровителей не могло обойтись ни одно подобное начинание. Вот почему книги XVI и XVII вв. пестрят посвящениями и панегириками «сильным мира сего» — монархам и вельможам, кардиналам и епископам. Ни в одном из скоринских изданий таких дедикаций нет. За помощью он обращается к тем, кому в первую очередь он посвящает свои книги — «посполитому люду рускаго языка» — гражданам города Вильнюса. Его книгоиздательские начинания поддерживает член магистрата этого города Богдан Онков, а позже — «наистарший бурмистр места Виленьского» Яков Бабич. На титульных листах некоторых изданий в Праге имеется сделанная от руки надпись «а то ся стало накладом Богдана Онкова сына радцы места Виленьского». Повидимому, эти надписи сделаны рукою самого Б. Онкова, финансировавшего эти издания.

С помощью Б. Онкова и других состоятельных граждан города Вильнюса Скорина в 1517 г. открыл «в славном старом месте Празском» типографию и за три года (т. е. до 1519 г.) подготовил и издал Псалтырь и 22 книги Ветхого завета под общим названием «Бивлия руска выложена доктором Франциском Скориной из славного града Полоцка богу ко чти и людем посполитым к доброму научению».

Естественный вопрос: почему просветитель и гуманист Скорина, один из образованнейших людей своего века, нисколько не уступавший современному ему западноевропейским деятелям ни своим умом, ни энергией, ни своими высокими замыслами, поставивший перед собой благородную цель — учить простых людей, начал свою просветительскую деятельность с издания и распространения книг религиозного содержания?

Это лишь кажущееся противоречие. Надо учесть: в эпоху позднего средневекового религиозного мировоззрение далеко еще не утратило владычества над умами. Даже политическая борьба, как правило, велась под прикрытием религиозной полемики. «Церковная догма была исходной точкой и основой любого мышления»⁶.

На этом традиционном пути Скорина отнюдь не собирався внести вклад в укрепление официальной церкви и духовенства. Он был бесконечно далек от характерного для официальной церкви узкологического догматизма и фанатизма. Содержание книг могло быть религиозным, но сам издатель видел в них главным образом орудие про-

⁵ Библиотека Ягеллонского университета в Кракове, Цимелия 561.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. XVI. Ч. I, с. 295.

свещения и нравственного совершенствования и подчеркивал эти цели в предисловиях.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть исключительность Франциска Скорины и всего его дела для его эпохи. Эта исключительность заключается не только в том, что он стал начинателем книгопечатания в нашей стране, хотя уже одно это делает его достойным памятников — и рукотворного, и нерукотворного.

Эта его исключительность заключается во-первых в самой его личности. Подавляющее большинство передовых представителей гуманистического движения начала XVI века, и даже позже, рекрутировалось из числа представителей церковного сословия. Эразм Роттердамский и Франсуа Рабле, Томас Мюнцер и Николай Коперник и многие другие были монахами, священниками, даже канониками. Франциск Скорина достиг высших ученых степеней как мирянин, что в среде бюргерского сословия было тогда еще довольно редким явлением, особенно в Великом княжестве Литовском. И что особенно трудно совместимо с понятиями той эпохи, это — что доктор свободных наук и медицины, облаченный в академическую тогу и берет, а не теолог в монашеской рясе или сутане священника берет на себя задачу перевести, отредактировать и издать сакральную книгу христианской церкви — Библию — и другие ей подобные книги, причем берет на себя смелость комментировать эти книги.

О просветительских целях Скорины говорит и то, что прологом его издательской деятельности явился выпуск в свет самой распространенной в то время книги — псалтыри, которая, помимо своего прямого назначения, выполняла тогда еще одну функцию: она имела широкое хождение в качестве школьного учебника для чтения и, как подчеркивал Скорина, давала «детем початок всякое доброе науки».

Издание псалтыри (1517), в которой архаический церковнославянский язык был Скориной приближен к народному разговорному, несомненно, должно было сыграть важную роль в повышении грамотности народных масс и развитии навыков чтения.

Показателен уже сам формат. Книги Скорины явно были предназначены не для церковного обихода, а для «домашнего» пользования. Это книжки в четверть или восьмую часть листа, а то и еще меньшего формата (как, напр., вильнюсские издания). Скромно, но добротно изданные и дешевые, они совершенно не подходили для пышных церковных обрядов. «Разве мы не лучше послужим простым людям, давая им эти маленькие книжки, подготовленные нашими трудами?» — этот вопрос уже подразумевает ответ.

В Праге же Скорина издал «Русскую Библию» — «Бивлия руска» (1517—1519). Духовенство всегда придерживалось того мнения (у католиков оно приобрело силу закона), будто Библия «слишком глубока» для мирян, и понимание ее требует посредничества церкви.

Издание и массовое распространение библии на общедоступном языке (Скорина издавал ее по частям, маленькими дешевыми выпусками), как и осуществленный позже лютеровский перевод биб-

лии, было важным шагом вперед на пути освобождения человеческой мысли из пут церковной схоластики. Ведь теперь любой грамотный человек мог самостоятельно, без посредника-священника читать Библию, оценивать и трактовать излагаемые в ней «истины». Кстати, в руках протестантов Библия быстро стала источником аргументов, направленных против феодальной церковной иерархической системы.

Не приходится сомневаться: мировоззрение Скорины было вполне религиозным и еще носило глубокие следы средневековой схоластики. Библия оставалась для него источником всех знаний. «В сей книзе,— пишет Скорина в предисловии «во всю Библию» — все естественное мудрости зачала и конецъ; бог вседержитель познавая бывает. В сей книзе вси законы и права, ими же люди на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства, душевные и телесные, зуполне найдете. Ту навчение философии добронравное... Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верую, соединением ласки и згодю посполитое доброе помножено бывает. Ту научение седми наук вызволенных достаточное».

И все же схоластические рамки становились ему тесны. Осуществленный им перевод Библии чрезвычайно любопытен в этом отношении. Скорина снабжает канонический текст вступительными замечаниями и подробными комментариями. Содержание этого «обрамления» чаще всего не имеет с текстом Священного Писания ничего общего. Автор преследует совсем иную цель — расширить кругозор читателя, обогатить его конкретными знаниями и приблизить Ветхий Завет к духовным потребностям времени. В результате мистический и запутанный рассказ о договоре между богом и еврейским народом, появивший лишь богословам, превращается в своеобразную литературную хрестоматию, своего рода энциклопедию, рассчитанную на самую широкую по тем временам аудиторию.

Комментарии Скорины должны были не только расширять кругозор читателя, но и воспитывать его в духе высокой морали, гражданственности и патриотизма. Скорина реалистичен в своих путях воздействия на сознание читателя: оставляя в стороне авторитет церковных догм и не запугивая геенной, он ищет в качестве аргументов наглядные сравнения из близкого и привычного читателю мира природы.

«Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронят ульев своих,— також и люди и где зродилися и вскормлены суть ... к тому месту великую ласку имають»⁷.

Комментарии Скорины позволяют судить и о его политических воззрениях. Местами заметно влияние идей таборитов. Оно и понятно: ведь Скорина жил в Праге, где еще не стерлась память о Яне

⁷ Библия руска. Предисловие доктора Франциска Скорины с Полоцька в книги Иудиф вдовици.

Гусе и общие условия благоприятствовали развитию радикальных взглядов и настроений⁸. В 1521 г. в Праге побывал Томас Мюнцер. Вероятнее всего, Скорина в это время уже не жил в Праге⁹, но если и не встретился с вождем крестьянской войны лично, то, во всяком случае, наверняка ознакомился с его «Пражским воззванием». Воздействием идеей Мюнцера можно объяснить явную симпатию Скорины к «посполитым людям» и проповедь принципа «общественного блага», социальной справедливости, равной свободы для всех, общности имущества и другие резко демократические элементы его взглядов.

Изданная Скориной библия — плод гигантского, тщательного и квалифицированного труда по переводу и редактированию. Всего было переведено, отредактировано и отпечатано свыше 2400 страниц текста.

Следует особо подчеркнуть стремление Скорины сделать язык библии, а с этим и ее содержание, понятным «простым людям». Этим целям служит и все редакторское оформление книги, и четкий, удобочитаемый шрифт, и чудесные реалистические гравюры, цель которых была — в первую очередь пояснить текст, чтобы «люди посполитые чтучи лелей розумели». Пражские издания Скорины — это решительный поворот в развитии книги от канонов рукописной книги к современной печатной книге.

Следующий важный этап в жизни и издательской деятельности Франциска Скорины проходил в Вильнюсе.

Неизвестно, по какой причине прервалась издательская деятельность Скорины в Праге. Титанический замысел — перевести библию на язык народа и издать ее типографским способом — не был осуществлен. Некоторые исследователи предполагают, что причиной прекращения деятельности Скорины в Праге было усиление католической реакции в Чехии с 1520 г.

Однако, скорее всего, прекращение деятельности Скорины в Праге было вызвано недостатком средств продолжать такое дорогостоящее предприятие, как издание библии.

В послесловии к книге «Судей», по-видимому, последней книги, опубликованной Скориной в Праге, указывается, что она издана 15 декабря 1519 г. Таким образом, Скорина покинул Прагу в самом конце 1519 г. или в начале 1520 г. Путь из Чехии в Литву шел через Польшу. Он оказался для Скорины очень трудным путем. Об этом говорит хотя бы и тот факт, что в настоящее время в Польше обнаружены палеотипы, в переплетах которых для форзацев и обложки были использованы листы из «Бивалии русской». По-видимому, ему пришлось продать польскому издателю или переплетчику на макулатуру или оставить под залог часть тиража своей библии, которая и была ими использована для переплета книг. Можно себе предста-

⁸ Архив Маркса и Энгельса. Т. VII, с. 211.

⁹ Владимиров П. В. в монографии «Доктор Франциск Скорина» указывает, что Скорина покинул Прагу в 1519 г. Это лишь догадка автора.

вить, что сделать это могла принудить Скорину только крайняя нужда. Из Праги Скорина все же привез в Вильнюс некоторые типографские принадлежности.

Перебазирование печатни из далекой Чехии ближе к читателю — в Вильнюс — сулило новые возможности. Этот столичный город по праву считался крупнейшим центром литовской и белорусской культуры.

Это был период все более интенсивного проникновения в интеллектуальную жизнь Литвы идей гуманизма и Реформации. При великокняжеском дворе, а также в свите вильнюсского епископа было немало эрудированных людей, даже видных ученых. В связи с оживлением интеллектуальной жизни вырос интерес к чтению, книге. Появились первые, пока еще сравнительно скромные, книжные собрания.

Однако книг в Вильнюсе, как в книжных собраниях, так и на местном книжном рынке, было очень мало, и они не могли удовлетворить растущих здесь культурных потребностей. Вот почему появление в Вильнюсе Скорины с его издательскими планами нужно расценивать как крайне важное событие в культурной жизни литовской столицы.

Скорина разместил свое предприятие в доме вильнюсского бургомистра Якова Бабича. Этот дом по исторической традиции надо искать где-то неподалеку от Ратуши. . . «Рядом же стояли амбары». В этой первой известной нам типографии на нынешней территории Советского Союза было отпечатано всего две книги: «Малая дорожная книжица» и «Апостол» («Книги деяния и послания апостольская, зовемая Апостол»). Эти издания и являются первыми печатными книгами, вышедшими на нынешней территории СССР.

До 1957 г. «Апостол» считали первенцем вильнюсского печатного искусства. Это представление пришлось пересмотреть, когда в Копенгагенской Королевской библиотеке был найден полный экземпляр «Малой дорожной книжицы»¹⁰. По содержанию она относится к популярному в средние века жанру псалтырей с добавлениями (Псалтырь с последованием или возследованием). Такие книги, кроме псалмов, включали несколько самостоятельных частей, в том числе святцы и календарь церковных праздников, астрономические, астрологические и медицинские заметки и т. п. «Малая дорожная книжица» Скорины также состоит из нескольких частей. В нее входят «Псалтырь», «Часословец», в котором изложен порядок церковных обрядов, «Акафисты» и «Каноны» — сборник церковных гимнов и молитв, «Шестоднев», в котором излагается содержание церковных обрядов на все дни недели, «Святцы краткие» — краткий церковный календарь, а также «Календарь пасх».

¹⁰ Crone H. Gamle Slaviske Tryk i det Kongelige Bibliotek.—, Fund og Forskning". t. 4. Copenhagen, 1957, p. 61. Nadson A. Skoryna's prayer book.—, "The Journal of Belorussian studies", t. 2.

В библиотеках Советского Союза находятся пять экземпляров этой книги¹¹. Ни в одном из них не сохранилась заключительная часть, а именно в ней должен быть колофон с выходными данными. Поэтому и датировка была условной. Но вот в Копенгагене было найдено полное издание — с колофоном, судя по которому святцы и календарь пасх напечатаны «Доктором Франциском Скориной в славном городе Вильне», но... без дат выхода в свет. «Выручил» календарь пасх. Оказалось, что он составлен на 1523—1543 гг. Следовательно, книга была опубликована в 1522 г.— на три года раньше «Апостола»! Таким образом, дату начала книгопечатания в Вильнюсе следует отнести, по всей вероятности, к 1522 году.

И эта книга, невзирая на содержание, рассчитана отнюдь не на духовенство, а на мирян, людей непосполитых. Характерно уже само название — «подорожная». В таких книгах нуждались главным образом купцы и ремесленники. В своих многочисленных и часто тяжелых деловых поездках по чужим краям они хотели иметь под рукой книгу, в которой можно было бы почерпнуть утешение, найти текст молитв и расписание праздников по правилам своей веры. Что книга предназначалась для «людей непосполитых», показывает и портативный ее формат.

Датировка выпуска первой книги опирается, пусть и на весьма вероятное, но все же гипотетическое допущение. Дата выхода в свет «Апостола» не вызывает никаких сомнений. В колофоне автор сообщает, что книга подготовлена и отпечатана в марте 1525 г.

До 1956 г. в фондах библиотек Литовской ССР не было ни одного экземпляра «Апостола» Скорины. Министерство Культуры РСФСР вернуло научной библиотеке Вильнюсского университета экземпляр, эвакуированный в 1915 г. в Москву в связи с наступлением на Вильнюс кайзеровских войск. Отметим, что «Апостол» Скорины — это первое издание «Апостола» на церковнославянском языке. В 1564 г. в Москве два других русских первопечатника — Иван Федоров и Петр Мстиславец — осуществили второе издание «Апостола».

Как и в других изданиях Скорины, в «Апостоле» заметно стремление приблизить церковнославянский язык к обыденной разговорной речи. Скорина заменяет трудные архаические выражения, вплоть до перевода на разговорный язык целых предложений. И это издание предназначено не для литургических нужд, а для «домашнего» чтения. Об этом свидетельствует формат в $\frac{1}{8}$ листа.

Новый шрифт, употребляемый Скориной в Вильнюсе, доведен до высокой степени художественности и четкости. То же можно сказать об инициалах и заставках.

Видный знаток русского книжного искусства В. В. Стасов высоко оценил художественное оформление вильнюсских изданий Скорины. В «Апостоле» 1525 г. заглавные буквы, герб Скорины и монограмма с буквой «1» выполнены так нежно, так тонко, с таким удивитель-

¹¹ Коршуну А. Ф. Каротки каментарый да выданню Франциска Скарыны. — В кн.: «Франциск Скарына. Прадмовы и пасляслоуи». Минск, 1969, с. 222—223.

ным вкусом, что превосходят все гравюры «Библии». О виньетках и шрифтах «Малой подорожной книжицы» В. Стасов писал, что их совершенство делает эту книгу своеобразным славянским «эльзевиром»¹².

Вильнюсские издания Скорины по оформлению значительно ближе к современной книге чем пражские. Это еще один шаг вперед в развитии книги от средневековых каллиграфических рукописных традиций к современному полиграфическому искусству.

Некоторые исследователи делают Скорину «мастером на все руки», привлекая при этом иногда совершенно несостоятельные аргументы. Так в прекрасной книге «Гравюры Франциска Скорины» (Минск, 1972) автор вводной статьи Л. Базарны утверждает, что тот учился и изобразительному искусству, «так как придя в Падуанский университет, имел ученый титул доктора искусств». Досадная ошибка! Он имел титул доктора свободных искусств, а это в то время ничего общего не имело с изобразительными искусствами в нашем современном понимании. Замечательное определение характера деятельности Скорины дал наш маститый историк книги А. А. Сидоров: «Скорина не предприниматель, как Фиоль, и не монах, как Макарий. Скорина — издатель, а не типографщик, не печатник, не работник станка. Он ученый, интеллигент, писатель, переводчик — он идеалист, редактор, языковед и общественный деятель. Он прежде всего патриот и просветитель»¹³. Сам Скорина себя изображает не у печатного станка, а за пультом с пером в руке. В послесловиях к своим книгам Скорина подчеркивает, что книга «скончалась... повелением, працею и выкладом избранного мужа и лекарских науках доктора Франциска Скорина сына¹⁴ или «Доконана ест Псалтырь сия... повелением, працею и великою пильностью Франциска Скорины»¹⁵. В чем заключалась эта его «праца» — неясно.

Помощники Скорины по издательской и оформительной работе неизвестны. Однако ясно, что их не могло не быть: в одиночку ему было не поднять огромный труд по переводу, редактированию, оформлению и печатанию.

После выхода в свет «Апостола» Скорина внезапно прекратил свою издательскую деятельность в Вильнюсе. Причины этого неясны, как и многое другое в биографии первопечатника.

И опять мы ступаем на зыбкую почву догадок. В 1525 г., в самый разгар движения Реформации и крестьянской войны Виттенберг и идеологов Реформации Меланхтона и Лютера посещает «некий Франциск — поляк, доктор», который пришелся не ко двору Лютеру. Некоторые историки предполагают, что этим Франциском был Скорина.

¹² Стасов В. В. Отчет о седьмом присуждении наград графа Уварова. Спб. 1864, с. 32 и 20.

¹³ Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972, с. 99.

¹⁴ Бивалия руска. Книга Иов (Послесловие).

¹⁵ Малая подорожная книжица (Послесловие к Псалтыри).

Дома, в Вильнюсе, далеко не все складывалось благоприятно. В 1525 г. для Скорины началась полоса серьезных материальных затруднений. Он вступил в тяжбу с родственниками жены, которые пытались присудить себе ее состояние¹⁶. Финансовое положение его брата резко пошатнулось. Все это привело Скорину на порог банкротства. Часть его имущества была конфискована, и это сказало на работе типографии. В довершение этих бед в марте 1530 г. Вильнюс пострадал от большого пожара, который уничтожил две трети города и мало вероятно, чтобы пощадил типографию. Восстановить типографию на свои скромные средства Скорина уже не мог, а на финансовую поддержку разоренных пожаром горожан было бессмысленно рассчитывать. Скорина проявил в этих трудных условиях поразительное упорство и попытался, несмотря ни на что, возобновить издательскую работу. В мае 1530 г. он перебрался в Кенигсберг — вероятнее всего, в надежде приобрести там типографское оборудование и привести в порядок свои денежные средства за счет помощи со стороны правителя Пруссии герцога Альбрехта. Скорина и приехал по вызову герцога. Альбрехт Гогенцоллерн, последний магистр Ордена Крестоносцев, в 1525 г. перешел на сторону Реформации и провозгласил себя светским правителем Пруссии. Он намерен был превратить Кенигсберг в опорный пункт распространения Реформации, а с ней — и политического влияния на Восточную Европу. По его указанию Малый катехизис Лютера был переведен сперва на польский, а затем и на русский языки и был отправлен для печатания в Виттенберг. Несколько позднее описываемых событий Альбрехт дал приют литовским сторонникам Реформации и создал им условия для печатания лютеранских изданий на литовском языке.

Альбрехт благожелательно принял ученого доктора. В одном из писем он называет своего гостя «мужем несравненного ума». «Доктор свободных искусств и медицины Франциск Скорина» был торжественно зачислен в придворный штат и назначен печатником и врачом.

Между тем житейские невзгоды не отступали. Оставшаяся в Вильнюсе семья попала после его отъезда в отчаянное положение. Жена умоляла Скорину вернуться, писала о несправедливостях и «кривдах», чинимых городскими властями. Не исключено, что эти санкции имели целью заставить Скорину вернуться в Литву.

26 мая 1530 г. в письме к вильнюсскому воеводе Альбрехтасу Гоштаутасу герцог уже жалуется, что означенный доктор Скорина выехал из Кенигсберга тайком и впридачу увез с собой в Вильнюс еврея — врача и печатника, нанеся тем герцогу значительный ущерб¹⁷.

¹⁶ Жена Скорины Маргарита была вдовой рады Вильнюсского магистрата Юрия Одверника. Судя по записи 1529 г. в Литовской Метрике, Скорина по доверенности жены судился с ее родственниками по делу о владении домом возле рынка и другим имуществом.

¹⁷ Миловигов А. В. Новые документы, относящиеся к биографии Франциска Скорины. — «Известия отделения русского языка и словесности». Российская Академия Наук, 1917, т. XXII, кн. 2, с. 221—226.

Можно предположить, что Скорина «разобрался в обстановке» и решил, что с герцогом ему не по пути, а специалист по печатному делу ему был нужен для восстановления печати в Вильнюсе.

Но и на этот раз Скорине так и не удалось восстановить свое типографию. Возникли новые препятствия. В Познани, оставив после себя многочисленные долги, умер брат Иван Скорина. Кредиторы без достаточных оснований объявили Франциска главным наследником и ответчиком за брата. Они получили от короля особый мандат — юридическое основание для настоящей охоты на Скорину по всей территории государства. В феврале 1532 г. Скорина был схвачен и заключен в Познанскую городскую крепость. Лишь через десять недель его выручил поспешивший из Гданьска пасынок Роман. Он помог Скорине получить в канцелярии Великого Княжества Литовского свидетельство «о порядочности и учености в медицинском искусстве»¹⁸. В Вильнюсе Скорина пользовался известностью как врач: некоторое время он даже состоял врачом и секретарем вильнюсского епископа.

Дальше сведения о жизни и деятельности Скорины в Литве обрываются. Лишь однажды еще его имя упоминается в одном из судебных документов 1535 г. — опять же в связи с тяжбой за имущество брата, на сей раз из Полоцка¹⁹.

Однако нельзя сводить все причины отхода Скорины от издательской деятельности к чисто материальным. Литва вступила в полосу контрреформации, и любые начинания в этой области становились крайне затруднительными. Сигизмунд Старый и вильнюсский епископ Иоанн перешли к политике свирепых репрессий. Уже в 1520 г. в Кракове была опубликована папская булла, направленная против Лютера. С резкими заявлениями выступил папский легат Ферерий. Один из декретов прямо касался Литвы. Он назывался «Декрет о сохранении и исполнении христианской (т. е. католической — *Л. В.*) литургии». Протестантская литература подлежала изъятию и уничтожению. Разумеется, «под руку» уничтожали и прочие «подозрительные» книги.

Вильнюсский епископ Иоанн был религиозным фанатиком. Под его влиянием великий князь литовский Сигизмунд также включился в крестовый поход против Реформации и издал эдикт, запрещающий ввозить в Литву произведения Лютера под страхом конфискации имущества и изгнания из страны. Эдикт, впрочем, подействовал мало и был повторен. На сей раз его неисполнение каралось гораздо строже: „*sub roena caritatis et confiscationis bonorum omnium*“, т. е. смертной казнью. Но не помогло и это. В 1535 г. (предполагаемый год отъезда Скорины из Вильнюса) Сигизмунд издал новый эдикт, в котором грозил свирепыми карами за распространение или даже исповедание лютеранства.

¹⁸ См. рецензию Г. Ловмянского на книгу А. Станкевича «Доктор Франциск Скорина — белорусский первопечатник» в журнале *Ateneum Wileńskie*, 1925, 9 тетр. с. 161—179.

¹⁹ *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина, с. 67.

В условиях разгула католической реакции деятельность Скорины была чревата для него серьезнейшими последствиями. При желании в его комментариях к Библии можно было усмотреть и ересь, и социально опасные взгляды.

Как сложились последние годы жизни Скорины? Определенный свет на этот период проливают данные, отысканные работавшим в Праге ныне покойным советским ученым А. В. Флоровским²⁰. Он обнаружил акт, скрепленный печатью чешского короля Фердинанда Габсбурга. Акт датирован 29 декабря 1552 г. и удостоверяет право Симеона Скорины на наследство, оставшееся после умершего отца. Этот документ дает представление о характере занятий Скорины в последние годы его жизни. Он именуется «Франциским Русским Скориной из Полоцка, нашим садовником». Королевский ботанический сад был одним из первых ботанических садов в Европе. Для ухода за ним требовался ученый ботаник. Чешский летописец Сватек упоминает о первом королевском садовнике — некоем Франциске. А. В. Флоровский, не указывая источников, называет его итальянским магистром. Скорина недолго исполнял обязанности садовника. Документы сообщают о гибели при пожаре 1541 г. «мальчика Франциска» — сына жившего здесь некогда русского доктора²¹. Несомненно, русский доктор — это и есть Франциск Скорина. Следовательно, в 1541 г. его уже не было в живых.

Буржуазные историки, принимая значение Скорины в истории книги и культуры, называют его книгоиздательскую деятельность спорадической и случайной, отказывают ей в органической связи с культурными запросами его времени и отрицают вклад белорусского гуманиста в дальнейшее развитие культуры и книгопечатания. Тесную связь деятельности Скорины с духовными нуждами его времени можно считать доказанной. Безосновательны и утверждения об узости круга деятельности «виленского Гутенберга». Книги Скорины расходились не только в Восточной, но и в Западной Европе. Ими пользовался славянский книгоиздатель Трубер в Тюбингене (1562—1563). Вильнюсскую псалтырь из «Малой подорожной книжицы» имел в своем собрании деятель Реформации, протестантский епископ Пруссии Павел Сператус. Этот экземпляр хранится теперь в Британском музее. Неполный экземпляр той же «Малой подорожной книжицы» (начинающийся с «Акафиста»), который в настоящее время хранится в библиотеке Ягеллонского университета в Кракове (Simeonia 561) имеет экслибрис XVI в. „Inscriptus Catal. Societatis Jesu domu S. Barb. Srac.". Возможно, иезуиты хотели использовать некоторые из книг Скорины для подготовки своих изданий на русском (белорусском) языке. В качестве образца книгами Скорины пользовались продолжатели его дела, белорусские просветители и деятели Реформации XVI в. Симон Будный и Василий Тяпинский, посвятившие свою

²⁰ *Florovsky A. V. Nove zpravy o pobytu Fr. Skaryny v Praze.*—, *Časopis Národního Musea*", t. 48, Praha, 1938, s. 11—12.

²¹ „*Sbornik Filologický*“, v. III, 1940—1946, s. 213—214.

деятельность, как и Скорина, просвещению простых русских людей. Выпущенные ими книги, особенно Тяпинского, напоминают издания Скорины и по графическому оформлению. Часть инвентаря типографии Скорины сохранились, и через 70 лет после выхода в свет скорининского «Апостола» доски вильнюсского первопечатника используются в «друкарне» местного Русского братства при печатании таких важных изданий, как «Славянская грамматика» Лаврентия Зизания (1596 г.).

До конца не выясненным пока еще остается вопрос о предполагаемой попытке Ф. Скорины распространять свои издания в Московском государстве. Это предположение было выдвинуто еще в 1862 г. австрийским историком И. Фидлером на основании обнаруженного им документа, в котором, между прочим, описывается сожжение в Москве завезенных из Литвы в период между 1525 и 1535 гг. книг священного писания, как еретических. И. Фидлер связывает это событие с именем Ф. Скорины. И это вполне возможно, зная широкие замыслы Скорины в распространении книги и его неумный характер и инициативу.

И все же, несмотря на все усилия церковников, книги Скорины проникали в Московскую Русь.

Некоторые историки искали доказательств каких-то непосредственных связей и взаимоотношений между Франциском Скориной и творцом первой литовской книги Мартинасом Мажвидасом. Вряд ли эти связи существовали, однако определенное и притом глубокое духовное родство между этими двумя просветителями и гуманистами бесспорно существует. Франциск Скорина посвящает свои книги людям посполитым, братьям русским и ставит при этом просветительскую задачу как главную, снабжая своих читателей, кроме церковных поучений, целым комплексом светских энциклопедических знаний. Мартинас Мажвидас посвящает свои «Простые слова катехизиса» всем литовцам и жмудинам, причем в эту свою книгу включает азбуку и приглашает «своих братьев и сестер взять эту книгу и читать ее, помня, что эта наука для них раньше была совершенно недоступна». Духовная близость этих двух зачинателей своей национальной книги говорит о многовековой близости наших двух братских народов — белорусского и литовского — в борьбе за идеалы гуманизма и прогресса, за свою национальную самостоятельность и свой родной язык, за свою самобытную культуру и книгу.